

В. В. Шелохаев, К. А. Соловьёв
**Российские либералы
о Первой мировой войне**

**Шелохаев
Валентин
Валентинович,**
доктор
исторических наук,
профессор,
главный научный
сотрудник,
руководитель
Центра истории
России XIX – начала
XX в. Института
российской истории
РАН (Москва, Россия)

**Соловьёв Кирилл
Андреевич,**
доктор исторических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
российской истории
РАН (Москва, Россия)

Первая мировая война, проложившая грань между историческими эпохами, сразу же оказалась в эпицентре мировой и отечественной общественной мысли. Интеллектуалы и в Западной Европе, и в России пытались осмыслить природу этой катастрофы. Среди них были выдающиеся русские философы, ученые с мировым именем, известные политики, в том числе и разделявшие либеральные ценности. Цель настоящей статьи — охарактеризовать взгляды и систему их аргументации по широкому кругу проблем Первой мировой войны.

Русские либералы, впрочем как и многие другие, не скрывали своего ликования, радужной веры и надежды в первые дни войны. В представлении либералов, август 1914 г. действительно стал концом одной исторической эпохи и одновременно предвестником новой. «Бесчисленны и непредвидимы последствия войны, даже великие последствия войны, зло и добро сплетется в них, — ибо война так широко захватила безбрежные массы людей и так глубоко задела жизненные функции народов и государств, что едва ли не все причинные нити, связующие прошлое с грядущим, оказались задетыми ею, пройдут сквозь нее, а, следовательно, все грядущее будет в ней иметь свои корни, — и добро, и зло, которое нам предстоит сделать или испытать», — писал публицист, член партии кадетов Г. А. Ландау¹. Гуманистическая европейская культура уходила в прошлое; ее заменило время холодного рационалистического расчета, внедрения новейшей техники и технологии, вытесняющей человеческую личность на периферию². Война меняла социально-культурный облик Европы. Теряя своих бойцов, она становилась более женской и более молодой³. Помимо этого, Европа, вкусив «яд ненависти», еще долгое время не смогла бы стать единой, — прогнозировал Г. А. Ландау⁴. В итоге непременно должны были измениться

представления о норме жизни, норме поведения⁵. Европа утрачивала свое лицо и вместе с ним и мировое значение, передав лидерство соседям с Востока и Запада. «Мировые судьбы еще решаются на полях Европы, но они решаются уже при участии вне-европейских сил. И результатом решения будет то, что поля Европы сохранят лишь местное значение»⁶.

Русские либералы пытались найти ответ на непростой вопрос: как передовая и культурная Европа решилась на столь роковой шаг? В поисках ответа на него либералы оказались перед неразрешимой для них проблемой. По преимуществу будучи рационалистами, они смутно ощущали конец той эпохи, которая безусловно верила в торжество человеческого разума. Характерно, что еще задолго до О. Шпенглера они диагностировали кризис европейской цивилизации. Тем не менее, они продолжали убеждать себя и других, что в новые, послевоенные времена окончательно утвердится ratio в мире, и это будет способствовать пробуждению в Человеке, по образному выражению Н. А. Бердяева, пока еще «дремлющих сил»⁷.

По оценке Н. А. Бердяева, иррационализм войны, как это не парадоксально, логически вытекал из рационализма прежней эпохи, когда тотальный эгоистический расчет и стремительно распространяющийся «мещанский дух» последовательно подготавливал будущую катастрофу. Глубинные противоречия европейской жизни обусловили «странный парадокс: европейский мир означал царство милитаризма, и лишь война могла быть освобождением от его невыносимого ига»⁸.

Размышления С. Н. Булгакова близки бердяевским, хотя в определенной мере были даже более радикальными⁹. Так, он беспощадно критиковал мещанство европейской жизни, которая «есть постоянная угроза и изнанка высокой цивилизованности»¹⁰. Мещанство — это обмирщение ценностей, морали и представлений об исторической миссии государства и нации, которая под влиянием «духа эпохи» неминуемо начинала заботиться о физическом подавлении соседей. По оценке С. Н. Булгакова, Германия была в полном смысле этого слова мещанской страной, зараженной идеями «лжемессианизма»¹¹. Эта жесткая оценка, данная С. Н. Булгаковым, стала развитием идей русского философа В. Ф. Эрн, согласно которому, историческая судьба Германии — это движение «от Канта к Круппу», то есть от категорического императива к безграничной вере во все побеждающее насилие¹².

Европа в лице Германии, — утверждали либералы, — пришла к самоотрицанию. Ее созидательная деятельность последних двух столетий обернулась кровопролитной войной. Отвечая на вопрос, поставленный еще А. И. Герценом: откуда в Европе взялся «Чингисхан с телеграфами?», С. Л. Франк считал, что ответ на него следует искать в постижении «существа германского духа»¹³. Немцы, — считал Франк, — действуют по принципу: интересы нации «суть верховная, высшая инстанция, перед которой должен склониться всякий “закон” — нравственный и правовой»¹⁴. Все их действия были подчинены идее целесообразности. В результате в Германии возникло «сочетание высокой духовной культуры с духовной варварской первобытностью. Немецкая практичность и культура оказались

«привитыми» к «крепкому и грубому стволу основной физико-психической энтелихи германской нации»¹⁵. Германия уверенно шла к мировой войне, которая должна была, наконец, «смыть» «плесень» европейского мещанства.

Сражаясь за новую Европу, Россия, по мнению либералов, должна была приобрести новое качество. По мнению С. Н. Булгакова, окончание мирового конфликта стало бы внутренним преобразованием для страны — «новым великим этапом в истории русского самосознания»¹⁶. В этой войне Россия должна была себя почувствовать подлинно европейской державой, занять, наконец, лидирующие позиции и способствовать решению задач, стоявших перед всем европейским континентом¹⁷.

Несмотря на разразившуюся войну, русские либералы с оптимизмом смотрели в будущее. Прежде намеченный ими общественный идеал не ставился под сомнение. Оставалось разрешить парадокс: как могло случиться, что все более рационализировавшаяся Европа ввязалась в пагубное для нее противостояние? П. Н. Милюков детально проанализировал мотивы ведущих политических сил Германии, развязавших войну. Они действовали вполне рационально, защищая свои частные интересы. Однако их резоны, собранные воедино, представляли собой неподконтрольную стихию, которая несла Германию, да и всю Европу, к войне¹⁸.

Русские либералы мыслили не только онтологически, но и юридически, облекая всякую, пускай даже абстрактную мысль в конкретную, готовую к практической реализации форму. Если прежняя система международных отношений не уберегла Европу от мирового кровопролитного конфликта, ее следовало преобразовать, надеясь, что в новой своей редакции она будет способствовать утверждению права. Развивая эту мысль, барон С. А. Корф сформулировал ряд базовых положений.

Прежде всего, речь должна была идти о создании в будущем «такого международного правопорядка, который не зависел бы от воли отдельных участников общения, который обеспечивал бы рост международных отношений в области права, параллельно с колоссальным развитием социальных и экономических взаимоотношений культурных народов, и гарантировал бы этим новый международный правопорядок от внешних и внутренних нарушений, и не только в тихое, мирное время, но и в бурное – военное»¹⁹. Если же международному сообществу не удалось бы предотвратить вооруженный конфликт, то международное право, подчеркивал С. А. Корф, должно было стремиться хотя бы внести «принципы гуманности в способы и приемы ведения войны, путем охраны раненных и больных, военнопленных и некомбатантов, запрещением или препятствованием наиболее варварских способов истребления врага и т. д.»²⁰

Ф. Ф. Кокошкин шел дальше, предвидя существенное преобразование будущей Европы. По его мнению, Первая мировая война — это еще и прямое столкновение английского и немецкого порядка. Автор не скрывал своих антипатий к последнему, так как, по его оценке, могущество Германии зиждилось исключительно на силе. Англичане строили свою империю иначе. Она была основана на прочном политическом объединении государств, сохранявших

свою внутреннюю самостоятельность²¹. Соответственно, германский тип организации Европы вел к милитаризму и войнам, британский тип – к международному миру. Он представлял собой «наилучший фундамент для здания организации Европы, построенного на начале равноправия народов, иначе говоря – для здания будущей европейской конфедерации»²².

Рассуждения о перспективах международного права и европейской федерации не должны вводить в заблуждение. Русские либералы обсуждали проблемы внешней политики на языке своего времени, отнюдь не отрицая значение военной силы и геополитических раскладов. С их точки зрения, «вечный мир» едва ли был бы достижим. А временный требовал принципиально иной расстановки сил на европейском континенте. Иначе говоря, с неизбежностью вставал вопрос о переделе границ, который бы позволил России занять иное, более значимое место в Европе. Многие представители либеральной мысли делали акцент на «призе» войны, который должна была получить Россия в случае ее победоносного завершения. На необходимости присоединения проливов и Константинополя настаивал и С. А. Котляревский, считавший, что решение этой вековой проблемы означает торжество «русского империализма», выводящее страну на широкий путь мировой истории²³.

В наиболее концентрированном виде территориальные притязания либеральной оппозиции нашли свое отражение в двух программных статьях П. Н. Милюкова «Нейтрализация Дарданелл и Босфора» и «Территориальные приобретения России». Их можно свести к следующему:

- присоединение к России и объединение в этнографических границах «русских народностей» Галиции и Угорской Руси;
- освобождение и объединение Польши, предоставление ей автономии в составе Российской империи;
- приобретение в «полное обладание» Россией проливов Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», а также Константинополя;
- объединение армянских земель под протекторатом России²⁴.

Из всей совокупности территориальных притязаний центральное место все же занимал вопрос о черноморских проливах и Константинополе, в решении которого либералы видели главную национальную задачу России. Они доказывали, что приобретение Константинополя и проливов не противоречило освободительным целям войны и не могло быть «приравнено» к империализму, в том отрицательном смысле, в котором иногда это слово употреблялось.

Решение этих внешнеполитических задач должно было укрепить стратегические позиции России в мире, усилить ее экономическое и политическое могущество, а также защитить интересы малых, прежде всего, славянских народов и тем самым покончить, по выражению П. Н. Милюкова, «с господством сильного над слабым». По мнению либеральных теоретиков, Россия вместе с другими странами Антанты должна была осуществить освободительную миссию, открыв путь к принципиально иной международной организации Европы.

«Тотальная война» имела очевидное для всех экономическое измерение. Соответственно, по ее окончании должен быть решен и целый комплекс хозяйственных проблем: освобожден внутренний рынок от «германского засилья», ликвидирована германская посредническая торговля, пересмотрен русско-германский торговый договор. В статье М. И. Туган-Барановского «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» сформулирована проблема адаптации разных типов экономик к условиям мировой войны. Исходя из общей посылки, что «всякая война не может не вызвать глубоких расстройств народного хозяйства», автор выделил два рода факторов, которые самым непосредственным образом влияли на состояние разных типов народнохозяйственных организмов. Во-первых, «финансирование войны требует очень крупных расходов со стороны воюющего государства — народное хозяйство соответствующей страны должно тем или иным способом покрыть эти расходы путем соответствующего вычета из народного богатства». Во-вторых, война приводит к нарушению внутреннего и международного обмена, вызывает «потрясение кредитного механизма», ведет к «отвлечению рабочих сил страны от производственных функций», сокращает производство. По оценке М. И. Туган-Барановского, эти два фактора по-разному проявлялись в странах с различными типами экономик. В странах с развитым промышленным сектором (Германия и Англия) издержки войны покрывались легче, чем в государствах с господствовавшим аграрным хозяйством. Однако в последних разрушительные действия войны оказывали меньшее влияние на расстройство их денежного обмена²⁵.

На основании этих теоретических посылок и анализа большого статистического материала, автор пришел к следующему выводу: экономики Германии и Англии в большей степени пострадали от войны, чем экономика России. Конечно, война должна была отразиться и на российской промышленности, что, в частности, к 1915 г. уже проявилось в изменении условий: 1) вывоза товаров за границу; 2) ввоза иностранных товаров; 3) в сфере кредитования; 4) внутреннего транспорта; 5) рабочего рынка и 6) внутреннего спроса²⁶. И все же это не привело к разрушению «народно-хозяйственного организма» России, которая «может вести войну годами»²⁷.

В статье М. И. Фридмана «Война и государственное хозяйство России» та же проблема рассмотрена под иным углом зрения. Автор задался целью проанализировать состояние государственного бюджета и наметить пути его пополнения в связи с отменой винной монополии. Он предлагал реализовать ряд мер (введение подоходного налога, налога с наследств), которые хотя бы отчасти могли бы смягчить сложную финансовую ситуацию. Вместе с тем М. И. Фридман высказался самым решительным образом против расширения разного рода государственных монополий, сужающих «круг выгодных занятий для населения, способствующих увеличению власти над отдельными гражданами, прибавляя к политическому господству экономическое»²⁸. По мнению автора, причина несовершенства финансовой системы России «находится не столько в субъективных условиях отсутствия таланта и доброй воли у руководителей финансового ведомства и даже не в тормозах социально-политиче-

ского характера, а гораздо глубже, — в объективном положении вещей в сфере народного хозяйства». Поэтому на первое место в качестве основной стратегической задачи экономического и финансового развития России должно стать «развитие производительных сил страны и поднятие народного благосостояния»²⁹.

В той же логике развивал свои мысли А. И. Шингарев в статье «Финансы России во время войны». Он наметил обширный план реформирования финансово-экономической системы в послевоенный период. Помимо магистральной задачи — подъема производительных сил России, А. И. Шингарев предлагал «создавать новые источники доходов, используя беспредельные дремлющие богатства страны, вызывая к жизни новую промышленность, новые лесные, горные, фабрично-заводские предприятия, расширяя добычу угля, нефти, металлов, увеличивая выработку и производство бесчисленного множества химических и механических изделий, эксплуатируя движущую силу воды и создавая новые источники дешевой энергии». Для использования «громadных спящих богатств нашей родины», А. И. Шингарев настаивал на необходимости широко привлекать иностранный капитал. Кроме того, признавалось необходимым привлечь науку для развития производительных сил, повысить уровень образования в стране, что позволило бы «выявить новые творческие силы свободного русского народа, вооружить его техническими сведениями и научным опытом»³⁰. По мнению А. И. Шингарева, важным стимулом к развитию производительных сил страны должно было стать «разумное, планомерное и закономерное разрешение земельного вопроса в интересах трудящихся земледельцев, соединенное с широкой государственной помощью повышению уровня сельского хозяйства и увеличению производительности сельскохозяйственного труда»³¹.

Либералы, обсуждая экономические проблемы, непременно касались вопросов развития науки. Это тем более было характерно для ученых, весьма многочисленных в руководстве партии кадетов. По мнению одного из них — В. И. Вернадского, Первая мировая война по своим последствиям была явлением даже более масштабным, чем Французская революция 1789 г. По сути, она открывала собой новую эпоху «величайшей научной революции», стимулируя развитие, прежде всего, естественных и технических исследований, ориентированных на разработку новых типов вооружений. Это должно было изменить всю систему организации науки, а также порождало новые отрасли знания³². В. И. Вернадский считал необходимым немедленно приступить к организации «охранительной работы научной мысли». Суть вопроса сводилась к тому, чтобы объединить усилия научных организаций и отдельных ученых и направить их на «защитительную работу» против «разрушительных сил войны». По его мнению, следовало попытаться «противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства защиты, которые были бы неуязвимы для оружия или которые делали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники»³³. Иными словами, наука должна работать не только на армию, но и на общество.

**И. И. Петрункевич, В. И. Вернадский
и Д. И. Шаховской**

А. И. Гучков

П. Н. Милуков с членами семьи

А. И. Шингарев

Отмечая важность политических и правовых методов разрешения международных конфликтов, В. И. Вернадский подчеркивал, что наряду с ними наука также должна была стать «мировой культурной силой», способствующей развитию и укреплению международных отношений. Подчеркивая общечеловеческий и интернациональный характер науки, В. И. Вернадский призывал мировое ученое сообщество активно включиться в борьбу против милитаризма³⁴.

Если экономисты так или иначе выходили на проблемы науки, то ученые-естественники — на вопросы экономики. Так, В. И. Вернадский не уставал говорить о решении важнейшей научной задачи: произвести учет производительных сил России. «Мы, — писал ученый, — должны знать, что имеется в недрах и на поверхности нашей страны, должны уметь их технически использовать. И то и другое невозможно без самого широкого научного исследования и без большой, частью предварительной, исследовательской работы»³⁵. В том числе, и по этой причине было крайне важным, чтобы государство и предприниматели включились в финансирование науки. Намечая перспективу ее развития в послевоенный период, В. И. Вернадский утверждал: «После войны 1914–1915 годов мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т. е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства. Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни, столь ясно создаваемого всей страной»³⁶.

Русские либералы пытались разглядеть за текущей военной повседневностью контуры послевоенной России, наметить, каждый в своих сферах, пути ее общественного переустройства. С победоносным исходом Первой мировой войны они связывали дальнейший духовный, политический, экономический, научный и культурный прогресс страны, укрепление ее международного положения.

Однако после поражений русской армии и нарастания недовольства в обществе ситуация в либеральных кругах стала меняться. Оптимистические ожидания менялись на противоположные, авторитет власти неуклонно падал. Как раз на фоне этих настроений в Думе возник Прогрессивный блок. Подавляющее большинство его членов некоторое время считало вполне достаточным ограничиться выдвиганием лозунга «министерства общественного доверия». Оно включало бы, с одной стороны, умеренных представителей оппозиции, а с другой — либерально ориентированных бюрократов. Лозунг «министерства общественного доверия» как будто бы не предусматривал радикального политического переворота. Формирование нового кабинета должно было стать лишь «ступенькой» к созданию уже ответственного министерства. Конечно, нашлись и более радикальные представители блока: например, И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов. Они считали выдвинутый лозунг недостаточным

и настаивали на немедленном создании именно ответственного министерства. По их мнению, только это и соответствовало общественным настроениям в стране. Наконец, некоторые либералы (А. И. Гучков) делали ставку на дворцовый переворот. Эта дискуссия продолжалась вплоть до самой Февральской революции.

Осенью 1916 г. конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти достиг точки кипения. Однако «парламентский штурм» не принес очевидных результатов. К началу 1917 г. лидеры либеральной оппозиции осознали свое бессилие изменить ход политических событий в стране. В то время, когда требовалась решительная воля к активным действиям, они, по признанию П. Н. Милюкова, вообще упустили из своих рук «руководство событиями». Либералам уже ничего не оставалось делать, как продолжать вести словесную борьбу с правительством в стенах Таврического дворца и ждать того времени, когда «осенит» Николая II, и он даст согласие на созыв ответственного министерства.

Русские либералы так и не нашли выхода из «безвыходного положения», обрисованного В. А. Маклаковым еще осенью 1915 г.: нельзя вырывать руль у безумного шофера, пока он вас везет по горному серпантину — но можно ли довериться ему, рискуя жизнью своей и своих близких? «Как бы вы ни были и ловки, и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот, или неловкое движение этой руки, и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием; “не посмеете тронуть!”»³⁷

Российский либерализм периода Первой мировой войны, представленный ярчайшими мыслителями того времени, был системен и последователен в проектировании будущей страны. Он видел ее как целое, не упуская деталей. Русские либералы провозгласили конец прежней эпохи, но «мерили» новую категориями старой. Они разочаровались в человеческом разуме, но продолжали делать на него ставку. Тогда, в годы войны, они поставили проблему иррационализма исторического процесса, но не смогли для себя ее разрешить. Им оставалось прогнозировать, исходя из опыта довоенных лет, как будто бы не замечая, что социальный и политический ландшафт России (да и всей Европы) радикально изменился.

¹ Ландау Г. А. Сумерки Европы. Берлин, 1923. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 30–31.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика, 1914–1922. М., 2007. С. 271.

⁸ Там же. С. 244.

- ⁹ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 644.
- ¹⁰ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 2009. С. 382.
- ¹¹ Там же. С. 398.
- ¹² Взыскующие града... С. 597.
- ¹³ Франк С. Л. Духовная сущность Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 11–12.
- ¹⁶ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 2009. С. 412.
- ¹⁷ Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 198.
- ¹⁸ Милюков П. Н. Происхождение войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 42.
- ¹⁹ Корф С. А. Международное право в современной войне // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 508.
- ²⁰ Там же. С. 508–509.
- ²¹ Кокошкин Ф. Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М., 1918. С. 30.
- ²² Там же. С. 25–26.
- ²³ Котляревский С. А. Россия и Ближний Восток // Русская мысль. 1914. № 11. С. 157.
- ²⁴ Милюков П. Н. 1) Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 53–65; 2) Нейтрализация Дарданелл и Босфора // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 548.
- ²⁵ Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 320–321.
- ²⁶ Там же. С. 298.
- ²⁷ Там же. С. 324.
- ²⁸ Фридман М. И. Война и государственное хозяйство России // Там же. С. 392–393.
- ²⁹ Там же. С. 396.
- ³⁰ Шингарев А. И. Финансы России во время войны. Пг., 1917. С. 26–27.
- ³¹ Там же. С. 27.
- ³² Вернадский В. И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 69–70.
- ³³ Там же. С. 71.
- ³⁴ Там же. С. 78.
- ³⁵ Там же. С. 78–79.
- ³⁶ Там же. С. 79 – 80.
- ³⁷ Маклаков В. А. Трагическое положение // Русские ведомости. 1915. № 221. 27 сентября

УДК 94(47)

Шелохаев В. В., Соловьёв К. А. **Российские либералы о Первой мировой войне** // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 184–196.

АННОТАЦИЯ: Данная статья посвящена различным аспектам понимания характера и природы Первой мировой войны видными представителями российского либерализма. Так, были проанализированы их взгляды на природу международного конфликта,

сложившееся юридическое обеспечение общеевропейского правопорядка, внешнеполитические цели России, экономический потенциал ведущих держав в условиях военного времени, состояние и перспективы научного знания, политический расклад сил в стране. Русские либералы констатировали, что с начала Первой мировой войны Европа (а следовательно, и Россия) вступила в принципиально новую эпоху, существующую по иным, ранее неизвестным законам. Прежние нормы жизни — в области политики, экономики, права и даже науки — должны были подвергнуться существенной ревизии. Вместе с тем сами русские либералы, определяя собственную тактику политической борьбы на ближайшее время, в определенной мере следовали принципам довоенных лет. Моделируя образ мира после войны, они во многом копировали привычные им образцы недавнего прошлого. Авторами внимательно рассмотрено отношение виднейших российских либералов к событиям Первой мировой войны с самого ее начала до событий революционного 1917 года, продемонстрировано изменение их отношения к государственной власти и внутреннему устройству страны. В статье с помощью широкого использования работ самих российских либералов начала XX в. фактически воссоздана картина будущего не только России, но и всей Европы в целом, ее политического и территориального устройства, места России в послевоенном мире. Статья вносит большой вклад в изучение российского либерализма в минувшем столетии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, либерализм, международное право, народное хозяйство, политическая система.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Шелохаев В. В.* — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории России XIX – начала XX в. Института российской истории РАН (Москва, Россия); mail@modernhistory.ru | *Соловьёв К. А.* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия); mail@modernhistory.ru

Shelokhaev V. V., Solovyov K. A. The First World War: Russian Liberal Point of View

ABSTRACT: This paper deals with the various aspects of understanding of the nature of the First World War by prominent representatives of Russian liberalism. Authors analyzed their views on the nature of international conflict, the prevailing legal support European Law Enforcement, Russian foreign policy goals, the economic potential of the leading powers in wartime, the state and prospects of scientific knowledge, the political balance of power in the country. Russian liberals have stated that from the beginning of the First World War, Europe (and, consequently, Russia) ushered in the new era, existing on other, previously unknown laws. Previous norms of life — in politics, economics, law, and even science — had to undergo substantial revision. However, the Russian liberals themselves, defining their own tactics of political struggle in the near future followed the principles of the pre-war years. By modeling the shape of the world after the war, they were largely copied them habitual patterns of the recent past. The authors have carefully considered the most prominent Russian liberal attitude to the events of the First World War from its beginning to the revolutionary events of 1917, demonstrated a change in their relationship to the government and the internal arrangement of the country.

KEYWORDS: World War I, liberalism, international law, national economy, political system.

AUTHORS: *Shelokhaev V. V.* — Doctor of History, Professor, Chief Research Worker, Head of Center of Russian History of 19–20th cen., Russian History Institute of Russian Sciences Academy (Moscow, Russia); mail@modernhistory.ru | *Solovyov K. A.* — Doctor of History, Leading Researcher, Russian History Institute of Russian Sciences Academy (Moscow, Russia); mail@modernhistory.ru

REFERENCES:

¹ Landau G. A. *Sumerki Evropy* (Berlin, 1923).

² Berdiaev N. A. *Padenie sviashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika, 1914–1922* (Moscow, 2007).

³ *Vzyskuiushchie grada. Khronika chastnoi zhizni russkikh religioznykh filozofov v pismakh i dnevnikh* (Moscow, 1997).

- ⁴ Bulgakov S. N. *Filosofiiia khoziaistva* (Moscow, 2009).
- ⁵ Frank S. L. 'Dukhovnaia sushchnost Germanii' in *Ruskaia mysl*, 1915, no. 10.
- ⁶ Frank S. L. *Neprochitanoe... Stati, pisma, vospominaniia* (Moscow, 2001).
- ⁷ Miliukov P. N. 'Proiskhozhdenie voiny' in *Ezhgodnik gazety «Rech» na 1915 god* (Petrograd, 1915).
- ⁸ Korf S. A. 'Mezhdunarodnoe pravo v sovremennoi voine' in *Voprosy mirovoi voiny* (Petrograd, 1915).
- ⁹ Kokoshkin F. F. *Angliia, Germaniia i sudby Evropy* (Moscow, 1918).
- ¹⁰ Kotliarevskii S. A. 'Rossiia i Blizhnii Vostok' in *Ruskaia mysl*, 1914, no. 11.
- ¹¹ Miliukov P. N. 'Territorialnye priobreteniia Rossii' in *Chego zhdet Rossiia ot voiny* (Petrograd, 1915).
- ¹² Miliukov P. N. 'Neitralizatsiia Dardanell i Bosfora' in *Voprosy mirovoi voiny* (Petrograd, 1915).
- ¹³ Tugan-Baranovskii M. I. 'Vliianie voiny na narodnoe khoziaistvo' in *Voprosy mirovoi voiny* (Petrograd, 1915).
- ¹⁴ Fridman M. I. 'Voina i gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii' in *Voprosy mirovoi voiny* (Petrograd, 1915).
- ¹⁵ Shingarev A. I. *Finansy Rossii vo vremia voiny* (Petrograd, 1917).
- ¹⁶ Vernadskii V. I. 'Voina i progress nauki' in *Chego zhdet Rossiia ot voiny* (Petrograd, 1915).
- ¹⁷ Maklakov V. A. 'Tragicheskoe polozhenie' in *Russkie vedomosti*, 1915, no. 221, 27 September.